

Конни Уиллис Письмо от Клири

Оригинал: Connie Willis, “A Letter from the Clearys”, 1982
Перевод: Александр Корженевский

Аннотация

Рассказ «Письмо от Клири» впервые был опубликован в сборнике «Пожарная охрана» («Fire Watch») в 1982 г. и в том же году автор получила премию «Небьюла» в номинации «Рассказ» (Short Story).

На почте оказалось письмо от Клири. Я положила его в рюкзак вместе с журналом для миссис Талбот и вышла на улицу отвязать Стича.

Он натянул поводок насколько мог и сидел полузадушенный за углом, наблюдая за снегирем. Стич никогда не лает, на птиц тоже. Он ни разу не взвизгнул, даже когда отец накладывал ему швы на лапу; просто продолжал сидеть в том же положении, в каком мы нашли его на крыльце: подняв лапу, чтобы отец ее осмотрел, и чуть-чуть вздрагивая. Миссис Талбот говорит, что он отвратительный сторожевой пес, но я рада, что он не лает. Расти лаял постоянно, и это его в конце концов погубило.

Мне пришлось притянуть Стича поближе, и, только когда поводок провис, я смогла ослабить узел. Это оказалось не так-то просто: снегирь, видимо, ему очень понравился. «Признак весны, приятель?» — сказала я, пытаюсь растянуть узел ногтями, и сорвала ноготь. Замечательно! Теперь мама захочет узнать, не заметила ли я, что у меня ломаются другие ногти.

Руки у меня вообще черт знает на что похожи. За эту зиму я уже раз сто обжигала их об нашу дурацкую дровяную печь. Особенно одно место, прямо над запястьем: ему достается снова и снова, так что оно никогда не успевает зажить. Печь у нас недостаточно большая, и, пытаюсь засунуть туда слишком длинное полено, я каждый раз задеваю о край топки одним и тем же местом. Мой глупый брат Дэвид всегда отпиливает их длиннее, чем нужно. Я сто раз просила его отпиливать поленья короче, но он не обращает на меня никакого внимания.

Я просила маму, чтобы она велела ему отпиливать их короче, но она этого не сделала.

Она никогда не критикует Дэвида. Он, по ее мнению, всегда поступает правильно, только потому, что ему двадцать три года и он был женат.

— Он делает это нарочно, — сказала я ей. — Надеется, что я совсем сгорю.

— Для четырнадцатилетних девочек паранойя — это убийца номер один, — ответила мама. Она всегда так говорит, и меня это настолько бесит, что я порой готова ее убить. — Он делает это не нарочно. Просто нужно быть аккуратней с печкой.

Но все это время она держала мою руку и смотрела на незаживающий ожог, словно перед ней была бомба с часовым механизмом, которая вот-вот взорвется.

— Нам нужна печь побольше, — сказала я и отдернула руку.

Нам действительно нужна большая печь. Отец отключил камин и установил эту, когда счета за газ выросли до небес, но печь была маленькая, потому что мама не хотела, чтобы она выпирала в гостиную. Тем более что мы собирались пользоваться ею только по вечерам.

Но новой печи не будет. Они все слишком заняты работой над этими дурацкими теплицами. Может быть, весна придет раньше и рука у меня наконец хоть немного заживет. Хотя вряд ли. Прошлой зимой снег продержался до середины июня, а сейчас только март. Тот самый снегирь, за которым следил Стич, отморожит себе свой маленький хвост, если не улетит обратно на юг. Отец говорит, что прошлая зима была особенная и в этом году погода должна нормализоваться, но он тоже в это не верит, иначе не стал бы строить теплицы.

Как только я отпустила поводок, Стич, словно послушный ребенок, вернулся из-за угла и сел, ожидая, когда я закончу сосать палец и наконец отвяжу его.

— Пора нам двигаться, — сказала я ему, — а то мама с ума сойдет.

Мне нужно было зайти еще в магазин и поискать семена томатов, но солнце ушло уже далеко на запад, а до дома добираться как минимум полчаса. Если я не вернусь до темноты, меня отправят спать без ужина и я не успею прочесть письмо. И потом, если я не зайду в магазин сегодня, им придется отпустить меня завтра, и тогда мне не нужно будет работать на этой дурацкой теплице.

Иногда мне просто хочется ее взорвать. Кругом грязь и опилки. Дэвид как-то резал пленку и уронил кусок на плиту; она расплавилась, и в доме жутко воняло. Но никто, кроме меня, этого не замечает. Они только и говорят о том, как будет здорово, когда летом у нас появятся домашние дыни, помидоры и кукуруза.

Я не могу понять, почему следующее лето должно чем-то отличаться от прошлого, когда взошли только салат и картофель. Ростки салата не больше моего сломанного ногтя, а картошка твердая как камень. Миссис Талбот говорит, что это из-за высоты, но отец объясняет все необычной погодой и тем гранитным крошевом, которое здесь, у пика Пайка, называется почвой. Он сходил в библиотеку, что приютилась позади магазина, взял книгу о том, как самому построить теплицу, и принялся крушить все вокруг. Теперь даже миссис Талбот заразилась этой идеей.

— Для людей, живущих на такой высоте, паранойя — это убийца номер один, — сказала я им вчера, но они были слишком заняты распиливанием планок и крепежом пластика, чтобы обратить на меня внимание.

Стич бежал впереди, натягивая поводок, и, как только мы перебрались через шоссе, я сняла с него ошейник. Его все равно невозможно удержать на обочине. Я пробовала вести его на поводке, но он вытаскивал меня на середину дороги, и мне всегда попадало от отца за то, что я оставляла следы. Поэтому я стараюсь ходить по замерзшему краю дороги, а Стич носится вокруг, обнюхивая каждую яму. Когда он отстаёт, мне стоит только свистнуть, и он тут же меня догоняет.

Я старалась идти быстро, потому что становилось холодно, а на мне был только свитер. Добравшись до вершины холма, я посвистела Стичу. До дома оставалось еще около мили, и оттуда, где я стояла, был виден пик Пайка. Не исключено, что отец прав насчет весны: снег на пике почти сошел, а обгоревшая сторона выглядела уже не такой черной, как прошлой осенью. Может быть, деревья оживут.

В это же время год назад весь пик был совершенно белым. Мне это запомнилось,

потому что тогда отец, Дэвид и мистер Талбот отправились на охоту. Снег шел постоянно, и их не было почти целый месяц. Мама чуть с ума не сошла. Каждый день она выходила на дорогу смотреть, не возвращаются ли они, хотя снега навалило футов пять и следы от нее оставались не хуже чем от Снежного Человека. Расти, который ненавидел снег так же, как Стич ненавидит темноту, она брала с собой. И ружье. Однажды она споткнулась о поваленное дерево, упала в снег, растянув лодыжку, и едва не замерзла, пока добралась до дома. Мне все хотелось сказать ей: «Для матерей паранойя – это убийца номер один», но тут встряла миссис Талбот и сказала, что в следующий раз я должна идти с ней. Вот, мол, что случается, когда людям разрешают ходить куда-нибудь в одиночку. Имелись в виду и мои походы на почту. Я ответила, что могу сама о себе позаботиться, но мама сказала, чтобы я не грубила миссис Талбот и что миссис Талбот права, и завтра я должна идти с ней.

Мама не стала ждать, когда ее нога заживет, затянула ее бинтом, и мы пошли на улицу на следующий же день. За весь путь она не проронила ни слова, с трудом ковыляя по снегу. Она даже ни разу не подняла глаз, пока мы не добрались до дороги. Снегопад на какое-то время прекратился, и облака приподнялись ровно настолько, что стал виден пик. Все напоминало черно-белую фотографию: серое небо, черные деревья и белая гора. Пик покрыло снегом целиком, и угадать, где проходило шоссе, было невозможно.

Мы собирались подняться на пик Пайка вместе с семейством Клири.

— Позапрошлым летом Клири так и не приехали, — сказала я, когда мы вернулись домой.

Мама сняла варежки и остановилась у печки, отдирая комочки налипшего на них снега.

— Конечно, не приехали, Линн, — проговорила она.

Снег с моего пальто падал на плиту и с шипением таял.

— Я не это имела в виду, — сказала я. — Они должны были приехать в первую неделю июня. Сразу после того, как Рик закончит школу. Что могло случиться? Передумали или что-нибудь другое?

— Я не знаю, — ответила она, стягивая шапку и отряхивая волосы. Челка ее вся намочла.

— Может быть, они написали, что у них изменились планы, — сказала миссис Талбот, — а письмо потерялось на почте.

— Это не имеет значения, — сказала мама.

— Но, наверное, они все-таки написали, — не унималась я.

— Может быть, на почте письмо положили в другой ящик, — предположила миссис Талбот.

— Это не имеет значения, — повторила мама, развешивая пальто на веревках на кухне. Больше она об этом не говорила. Когда вернулся отец, я спросила про Клири и его, но он был слишком увлечен, рассказывая об их походе, и не ответил мне.

Стич куда-то пропал. Я снова свистнула, потом пришлось идти обратно. Он сидел у подножия холма, уткнувшись во что-то носом.

— Домой, — крикнула я. Он повернулся, и я поняла, в чем дело.

Стич запутался в упавших проводах, умудрившись обмотать их вокруг ног, как он это иногда делает с поводком, и чем сильнее он тянул, тем сильнее запутывался.

Сидел он прямо посреди дороги, а я стояла на обочине, пытаюсь сообразить, как его вытащить, не оставив там следов. У вершины холма дорога почти вся замерзла, но здесь, внизу, снег еще таял, и вода сбегала в стороны большими ручьями. Я ступила носком ноги в грязь и сразу утонула на добрых полдюйма. Шагнув назад, я стерла след рукой, вытерла руку о джинсы и стала думать, что делать дальше. У отца такой же пунтик насчет следов, как у мамы насчет моих рук, но еще хуже будет, если я не вернусь засветло. Тогда он даже может запретить мне ходить на почту.

Стич уже дошел до такого состояния, что готов был залазать. Он обмотал провод вокруг шеи и затягивал его все сильнее.

— Ладно, — сказала я. — Сейчас.

Я прыгнула насколько смогла далеко в один из ручьев, добралась до Стича и оглянулась, чтобы удостовериться, что мои следы смыло водой. Вызволив Стича, я отбросила конец оборвавшегося провода на край дороги, к столбу, с которого он свисал. Но Стич все равно, возможно, запутается в нем в следующий раз.

— Глупая собака, — сказала я. — Теперь быстро! — И я бросилась бегом к обочине и вверх по холму в своих мокрых хлюпающих кроссовках. Стич пробежал метров пять и остановился, обнюхивая дерево.

— Быстро! — крикнула я. — Темно становится. Темно, Стич!

Он пулей пронесся мимо меня с холма. Я знаю, что собакам это не свойственно. Но Стич боится темноты. Иногда я говорю ему: «Для собак паранойя — это убийца номер один», но сейчас я хотела только, чтобы он бежал быстрее, пока у меня совсем не замерзли ноги. Сама я тоже побежала, и к подножию холма мы добрались почти одновременно.

У дороги к дому Талботов Стич остановился. Наш дом был всего в сотне футов от этого места на другой стороне холма. Он стоит в низине, окруженный холмами со всех сторон, и так глубоко и хорошо спрятан, что вы никогда бы его не нашли. Из-за холма Талботов не видно даже дыма из нашей трубы. Через их участок, немного срезав, можно пройти лесом к нашему заднему крыльцу, но я никогда там теперь не хожу.

— Темно, Стич! — строго сказала я и снова побежала. Стич держался рядом.

К тому времени, когда я добралась до въезда на наш участок, пик Пайка уже окрасился розовым цветом. Стич, наверно, раз сто успел задрать ногу у ели, пока я не затащила его на место. Это действительно большая ель. Прошлым летом отец и Дэвид срубили ее, а потом сделали все так, как будто она сама упала поперек дороги. Она совершенно закрывала то место, где дорога сворачивает к нашему дому, но ствол ее весь в занозах, и я опять поцарапала руку, причем там же, где и всегда. Замечательно!

Удостоверившись, что ни я, ни Стич не оставили на дороге следов (если не считать тех, что Стич всегда оставляет, — другая собака нашла бы нас в два счета, и, может быть, именно так Стич оказался у нас на крыльце: он учуял Расти), я бросилась под прикрытие холма. Стич не единственный, кто начинает нервничать с приходом темноты. Да и ноги у меня уже заболели от холода. Стич в этот раз вел себя действительно беспокойно. Он не остановился, даже когда мы оказались перед домом.

Дэвид как раз нес с улицы дрова, и я с одного взгляда определила, что он опять напилел слишком длинные поленья.

— Только-только успела, — сказал он. — Семена принесла?

— Нет, — ответила я. — Но я принесла кое-что другое. Для всех.

И я побежала в дом. Отец разматывал на полу гостиной пластиковую пленку, а миссис Талбот держала в руках конец рулона. Мама подняла карточный столик, все еще сложенный, и ждала, когда они закончат и можно будет поставить его перед печкой и накрывать к ужину. На меня никто даже не посмотрел. Скинув рюкзак, я достала журнал для миссис Талбот и конверт.

— На почте было письмо, — сказала я. — От Клири.

Все подняли на меня глаза.

— Где ты его нашла? — спросил отец.

— На полу, в почте третьего класса. Я искала журнал для миссис Талбот.

Мама прислонила столик к дивану и села. Миссис Талбот посмотрела на меня непонимающим взглядом.

— Клири — это наши друзья, — пояснила я для нее. — Из Иллинойса. Они должны были приехать позапрошлым летом. Мы собирались вместе подняться на пик Пайка и все такое.

В дверь с грохотом ввалился Дэвид. Он взглянул на маму, сидящую на диване, на отца с миссис Талбот, стоящих с пленкой в руках, словно две статуи, и спросил:

— Что случилось?

— Линн говорит, что нашла сегодня письмо от Клири, — ответил отец.

Поленья вывалились у Дэвида из рук. Одно из них покатилося по коврику и остановилось у маминых ног, но никто не наклонился, чтобы его подобрать.

— Я вслух прочитаю? — спросила я, глядя на миссис Талбот. Ее журнал все еще был у меня в руках. Я вскрыла конверт, достала письмо и начала читать:

«Дорогие Дженис, Тодд и все остальные, как дела на славном западе? Нам не терпится вырваться отсюда и повидать вас, но, возможно, нам не удастся сделать это так скоро, как мы надеялись. Как там Карла, Дэвид и их малыш? Очень хочу увидеть маленького Дэвида. Он уже ходит? Бабушку Дженис, наверное, так распирает от гордости за внука, что ее бриджи трещат по швам. Я права? Кстати, как у вас там, на западе, носят бриджи или вы все ходите в джинсах?»

Дэвид, стоявший до того облокотившись о каминную полку, опустил голову на руки.

«Извините, что я не писала, но Рик заканчивал школу, и мы были очень заняты. Кроме того, я думала, что мы прибудем в Колорадо раньше письма. Но теперь, похоже, планы немного меняются. Рик определенно настроился идти в армию. Мы с Ричардом отговаривали его до посинения, но, видимо, сделали только хуже. Мы даже не смогли уговорить его подождать до возвращения из Колорадо, потому что он уверен, что мы там будем все время его отговаривать. Конечно, он прав. Я очень о нем беспокоюсь. Надо же, в армию! Рик говорит, что я слишком много нервничаю, и, наверное, он опять прав, но что, если будет война?»

Мама подняла с пола полено, которое уронил Дэвид, и положила его рядом с собой на диван.

«Если вы там, на золотом западе, не возражаете, мы подождем до конца первой недели июля, когда Рик закончит базовую подготовку, и тогда приедем все вместе. Пожалуйста, напишите нам, что вы об этом думаете. Вы уж извините, что в последнюю минуту я так меняю наши общие планы, но здесь есть и положительная сторона: у вас будет целый лишний месяц для того, чтобы привести себя в спортивную форму перед восхождением на пик Пайка. Не знаю, как вы, но мне это не помешало бы».

Миссис Талбот выпустила из рук конец пленки. На этот раз она упала не на печь, но довольно близко, и пластик тут же начал морщиться от жара. Однако отец просто стоял и смотрел, даже не пытаясь его убрать.

«Как девочки? Соня растет, как лиана. Теперь она увлеклась бегом, приносит домой медали и грязные носки. И вы бы видели ее коленки! Они такие разбитые, что я чуть не потащила ее к врачу. Она говорит, что сбивает коленки о барьеры, а ее тренер сказал, что никаких поводов для беспокойства нет, но я все равно беспокоюсь. Мне кажется, что они просто не заживают. У вас не бывает такого с Линн и Мелиссой?»

Знаю, знаю. Я опять слишком много беспокоюсь. С Соней все в порядке. С Риком тоже. Ничего ужасного до конца первой недели июля не случится, и мы снова увидимся.

Обнимаем. Клири.

P.S. Кто-нибудь когда-нибудь падал с пика Пайка?»

Все молчали. Я сложила письмо и сунула его обратно в конверт.

— Мне нужно было написать им тогда, — сказала мама. — Написать, чтобы приезжали сразу. Тогда они были бы здесь.

— И мы, возможно, полезли бы в тот день на пик Пайка и оттуда увидели, как все взлетает на воздух. Вместе с нами, — сказал Дэвид, поднимая голову. Он рассмеялся, но

голос его сломался и захрипел. — Видимо, мы должны радоваться, что они не приехали.

— Радоваться? — переспросила мама, вытирая руки о джинсы. — Ты еще скажи, мы должны радоваться, что Карла в тот день поехала вместе с Мелиссой и малышом в Колорадо-Спрингс и у нас теперь меньше ртов. — Она терла руки о джинсы так сильно, что я думала, она протрет в них дырки. — Скажи еще, мы должны радоваться, что мародеры застрелили мистера Талбота.

— Нет, — сказал отец. — Но мы должны радоваться, что они не застрелили тогда всех остальных. Мы должны радоваться, что они взяли только консервы и не тронули семена. Мы должны радоваться, что пожары не зашли так далеко. Мы должны радоваться...

— Что еще получаем почту? — спросил Дэвид. — Этому мы тоже должны радоваться? — Он хлопнул дверью и вышел на улицу.

— Когда мы не получили от них никаких вестей, мне надо было позвонить или еще что-нибудь, — сказала мама.

Отец все еще смотрел на испорченный пластик. Я подала ему письмо.

— Ты его сохранишь или как? — спросила я.

— Я думаю, оно свое дело уже сделало, — сказал он, скомкал его и, бросив в печь, захлопнул дверцу. Он даже не обжегся. — Пойдем поможем мне с теплицей, Линн.

На улице было темным-темно и уже по-настоящему холодно. Мои кроссовки тут же задубели. Взяв фонарь, отец стал натягивать пластик на деревянные рамы, а я с интервалом в два дюйма забивала скобы, через одну попадая себе по пальцам. Когда мы закончили первую раму, я попросила, чтобы он отпустил меня в дом переобуться в ботинки.

— Ты принесла семена томатов? — спросил он, словно даже не слышал меня.

— Или ты была слишком занята поисками письма?

— Я его не искала, — сказала я. — Случайно нашла. Я думала, ты будешь рад получить письмо и узнать, что случилось с Клири.

Отец натянул пластик на следующую раму, и так сильно, что на пленке появились маленькие складки.

— Мы и так знали, — сказал он, потом отдал мне фонарик и взял у меня пистолет со скобами. — Хочешь, чтобы я сказал? Хочешь, чтобы я сказал тебе, что именно с ними случилось? Хорошо. Надо полагать, они были недалеко от Чикаго и просто испарились, когда упали бомбы. Если так, то им повезло. Потому что около Чикаго нет гор, как у нас. Они могли сгореть во время пожаров, могли умереть от радиационных ожогов или лучевой болезни. Или их застрелил какой-нибудь мародер.

— Или они сами это сделали, — добавила я.

— Или они сами. — Он приставил пистолет к рейке и нажал курок. — У меня есть теория насчет того, что случилось позапрошлым летом, — сказал он, передвинул пистолет дальше и всадил в дерева еще одну скобу. — Я не думаю, что это начали русские или мы. Я думаю, это сделала какая-нибудь небольшая террористическая группа или, быть может, даже один ненормальный. Надо полагать, они не представляли себе, что случится, когда сбрасывали свою бомбу. Я думаю, они просто были бессильны, злы и напуганы всем тем, что происходило вокруг. И они ударили наотмашь. Бомбой. — Он прикрепил раму и выпрямился, чтобы начать с другой стороны. — Что ты думаешь об этой теории, Линн?

— Я же сказала тебе. Я нашла письмо, когда искала журнал для миссис Талбот.

Он повернулся, держа пистолет перед собой:

— Но по какой бы причине они это ни сделали, они обрушили на свои головы весь мир. Хотели они того или нет, им пришлось на себе испытать все последствия.

— Если они выжили, — сказала я. — И если их кто-нибудь не пристрелил.

— Я не могу больше позволить тебе ходить на почту, — сказал он. — Это слишком опасно.

— А как же журналы для миссис Талбот?

— Иди проверь огонь в печке. Я пошла в дом. Дэвид уже вернулся и теперь снова стоял у камина, глядя в стену. Мама разложила перед камином столик и поставила рядом складные

стулья. На кухне резала картошку миссис Талбот. Она плакала, словно это была не картошка, а лук.

Огонь в печи почти погас. Чтобы его разжечь, я сунула внутрь несколько смятых страниц из журнала, и они вспыхнули голубым и зеленым пламенем. На горящую бумагу я швырнула пару сосновых шишек и немного щепок. Одна из шишек откатилась в сторону и застряла в слое пепла. Я протянула руку, чтобы швырнуть ее обратно, и ударилась о дверцу.

В том же самом месте. Замечательно! Волдырь сдерет старую корку, и все начнется сначала. И конечно же, мама стояла рядом, держа в руках кастрюльку картофельного супа. Она поставила ее на плиту и схватила меня за руку, потянув вверх, словно это было доказательство преступления или еще что. Она ничего не сказала, просто стояла, держа мою руку в своей, и моргала.

— Я обожгла ее, — сказала я. — Просто обожгла.

Она осторожно потрогала края старой, засохшей корочки, как будто боялась чем-нибудь заразиться.

— Это просто ожог! — закричала я, отдергивая руку, и принялась засовывать дурацкие поленья Давида в печку. — Это не лучевая болезнь. Просто ожог!

— Ты знаешь, где отец, Линн? — спросила она.

— Там, у заднего крыльца, — ответила я. — Строит свою дурацкую теплицу.

— Он ушел, — сказала она, — и взял с собой Стича.

— Он не мог взять Стича. Стич боится темноты.

Она молчала.

— Ты знаешь, как там темно?

— Да, — сказала она и поглядела в окно. — Я знаю, как там темно.

Я сдернула с крючка у камина свою парку и пошла к двери. Дэвид схватил меня за руку:

— Куда тебя черт понес?

Я вырвалась:

— Искать Стича. Он боится темноты.

— Там слишком темно, — сказал он. — Ты потеряешься.

— Ну и что? Это лучше, чем торчать здесь, — ответила я и хлопнула дверью, придавив ему руку.

Он догнал меня и снова схватил, когда я была уже около дровяного сарая.

— Отпусти, — сказала я. — Я уйду. Я найду каких-нибудь других людей и буду жить с ними.

— Никаких других людей нет! Черт побери, прошлой зимой мы дошли до самого Саут-Парка. Нигде никого нет. Мы не видели даже тех мародеров. Но вдруг ты на них наткнешься? На тех, что застрелили мистера Талбота?

— Ну и что? В худшем случае они меня пристрелят. В меня уже стреляли.

— Ты ведешь себя как ненормальная. Это ты хоть понимаешь? — спросил он.

— Пришла тут с этим сумасшедшим письмом и всех просто-напросто убила.

— Убила! — Я так распсиховалась, что чуть не закричала. — Убила! А ты вспомни прошлое лето! Кто кого тогда убивал?

— Нечего было срезать через лес, — сказал Дэвид. — Отец говорил тебе не ходить там.

— И что, из-за этого нужно было в меня стрелять? И убивать Расти?

Дэвид так крепко сжимал мою руку, что я думала, он ее сломает.

— У мародеров была собака. Мы обнаружили ее следы вокруг мистера Талбота. Когда ты прошла через лес и мы слышали лай Расти, мы решили, что это опять банда мародеров. — Он посмотрел мне в глаза. Мама права. Паранойя действительно убийца номер один. Прошлым летом мы все немного сошли с ума. Да и сейчас, наверное, это осталось. — А ты берешь и приносишь письмо, напоминая всем о том, что случилось, и о том, что все мы потеряли...

— Я же сказала, что нашла его, когда искала журналы. Я думала, вы обрадуетесь, что

оно не пропало.

— Да уж.

Он пошел в дом, а я еще долго стояла снаружи, дожидаясь отца и Стича. Когда я наконец вернулась, никто на меня даже не посмотрел. Мама все так же стояла у окна, и в черном небе над ее головой я увидела звездочку. Миссис Талбот перестала плакать и принялась расставлять на столике посуду. Мама разлила суп, и мы все сели, а когда начали есть, вернулись отец со Стичем. Все журналы отец принес с собой.

— Извините, миссис Талбот, — сказал он. — Если вы хотите, я спрячу их в подвале, и вы будете посылать Линн, чтобы она приносила их по одному.

— Это не важно, — ответила она. — Мне не хочется их больше читать.

Отец положил стопку журналов на диван и сел к столику. Мама налила ему тарелку супа.

— Я принес семена, — сказал отец. — Семена томатов немного набухли от влаги, но зато с кукурузой и тыквами все в порядке. — Он взглянул на меня.

— Дверь на почте я заколотил, Линн. Ты, надеюсь, понимаешь? Ты понимаешь, что я не могу больше позволить тебе ходить туда? Это слишком опасно.

— Я же сказала, что нашла его. Когда искала журнал.

— Огонь гаснет, — заметил он.

После того как они застрелили Расти, мне не разрешали никуда ходить целый месяц, потому что они боялись застрелить меня, когда я буду возвращаться. Даже когда я пообещала ходить только длинной дорогой. Потом появился Стич, и ничего страшного не случилось. Мне опять разрешили выходить. До конца лета я ходила каждый день, а потом — когда отпускали. Я просмотрела каждую пачку, наверное, раз по сто, прежде чем нашла это письмо от Клири. Миссис Талбот была права насчет почты. Письмо действительно положили в чужой ящик.